

С.П. Орленко (Москва)

РУССКИЕ ЩИТЫ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ XVII ВЕКА

В МАТЕРИАЛАХ воинских смотров и разборов русских служилых людей в XVII столетии мы не встречаем никаких упоминаний о наличии у них щитов. Даже в среде небогатых провинциальных дворян и детей боярских не отмечено попыток компенсировать подобным образом постоянно присутствовавший дефицит оборонительного вооружения. Можно с уверенностью говорить, что к этому времени щиты представляли собой полный анахронизм даже для наиболее традиционной части русского войска – поместной конницы. (Вероятно, щиты применялись в отрядах восточной кавалерии, входившей в состав русского войска.)

Вместе с тем мы можем констатировать, что щиты, преимущественно восточного происхождения, присутствуют в составе оружейной казны представителей аристократической элиты Московского государства конца XVI – начала XVII вв.: Б.Ф. Годунова, Ф.И. Мстиславского, В.В. Голицына. С высокой долей вероятности мы вправе предполагать, что все они являлись владельцами не только личного, но и родового собрания оружия и доспеха. В казне боярина и конюшего Бориса Федоровича Годунова в 1588 г. хранилось три щита. Два металлических: один турецкий, другой, по описанию, также восточный: «травы наведены золотом, на кайме промеж трав слова, подпись имя Бориса Федоровича; кругом ево венец золот, камни лалы да бирюзы, бахрома золото с серебром». Третий – «щит бухарский, шит золотом и серебром и шолки»¹.

Ф.И. Мстиславскому удалось сохранить свою оружейную казну в Смутное время. Князь Федор Иванович был последним представителем своего рода, и после его смерти в 1622 г. это имущество

переходит в царскую казну². Примечательно, что в более «молодых» собраниях оружия бояр И.Д. Милославского и А.С. Матвеева, также поступивших в государеву оружейную казну, щиты отсутствовали³.

В Большой казне государевой Оружейной палаты в 1647 г. числилось четыре щита. Три щита «кизылбаских» (иранских), два из которых были булатные, а третий деревянный, «оправы золотые и серебряные с камнем и 3 жемчуги». Принято считать, что один из персидских щитов – знаменитый щит работы мастера Мухамеда Мумина Зерешана, ранее принадлежавший князю Федору Михайловичу Мстиславскому⁴ (рис. 1). Однако кроме них присутствовал еще «щит московское дело, подвершье и венец наведено золотом»⁵. К сожалению, краткая перечневая опись не сообщает ни материала, из которого был выполнен русский щит, ни его формы. Кем и когда этот щит был сделан и как попал в государеву оружейную казну, мы не знаем.

Не меньшую загадку представляют собой шестнадцать щитов железных, хранившихся в 1647 г. в Набережных палатах. Происхождение и характер бытования этих щитов никак не обозначены. Отсутствие каких-либо деталей в описании вещей и характеристика их состояния как «худые и ржавые» свидетельствует о невысокой ценности и низкой степени востребованности этих щитов⁶.

Информацией о парадном, церемониальном или боевом применении щитов членами государева двора до конца 1660-х гг. мы не располагаем. Мы не находим щитов в росписях походной оружейной казны царя Алексея Михайловича времени Смоленского, Виленского и Рижского походов⁷. Не было щитов среди «ратной сбруи» Никиты Ивановича Романова, поступившей в государев

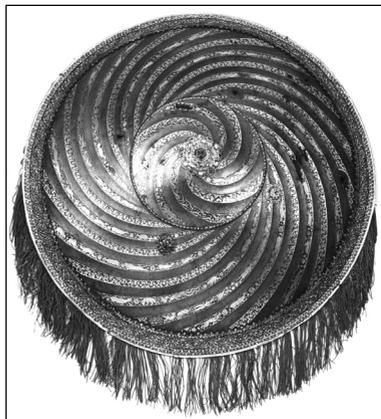

Рис. 1. Щит булатный. Иран, XVI в. Мастер Мухаммед Мумин Зернишан. Поступил из имущества Ф.И. Мстиславского в 1622 г. Инв. № Ор-176

Оружейный шатер (походный аналог Оружейной палаты) после смерти боярина в 1655 г.⁸ Одним из наиболее масштабно организованных парадно-церемониальных мероприятий середины 1660-х гг. стали смотр войск царем Алексеем Михайловичем на Девичьем поле и церемония встречи английского посольства гр. Чарльза Говарда Карляйля, проходившие в феврале 1664 г. В документах, опубликованных помощником директора Московской Оружейной палаты Л.П. Яковлевым, среди доспеха и воинского снаряжения, выданного служилым людям для участия в смотре и церемонии посольской встречи из государственной оружейной казны, щиты не упоминаются⁹.

Тем не менее число щитов в государственной Оружейной казне постепенно увеличивалось. Происходило это за счет даров иностранных государей, привозов – «челобитий» иноземных купцов (последнее представляло собой несколько завуалированную коммерческую операцию), щиты приобретались за рубежом русскими дипломатами (рис. 2, 3, 4).

Таким образом, по нашим наблюдениям, присутствие щитов в государственной казне во второй половине XVII в. носило по большей части декоративно-атавистический характер. Щиты, преимущественно

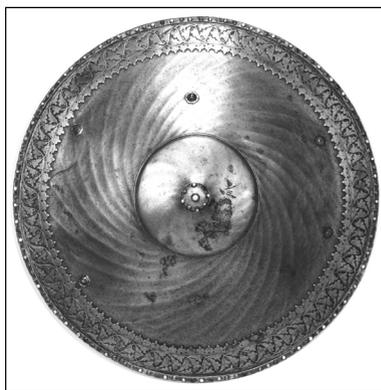

Рис. 2. Щит булатный.
Иран, XVI в. (?) Привезен
из Персии послом
В.Г. Коробьным в 1624 г.
Инв. № Ор-175

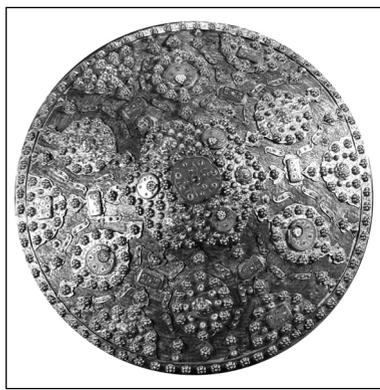

Рис. 3. Щит парадный.
Турция, Стамбул, XVII в.
Поднесен царю Алексею
Михайловичу греческим купцом
Дмитрием Астафьевым в 1654 г.
Инв. № Ор-171

восточного происхождения, более или менее роскошно украшенные, хранились как один из множества элементов, составляющих богатство и разнообразие царской оружейной сокровищницы. Никакой активности, связанной с созданием щитов для государевой Оружейной казны в придворных мастерских или «на Москве», мы не наблюдаем вплоть до последней трети XVII столетия.

Упоминания о работе над щитами возникают в хозяйственной документации придворных мастерских и казнохранилищ весной 1668 г. Согласно царскому указу от 12 марта в Оружейной палате велено было «зделать два щита деревянные, точеные, круглые, поклеить с лица отласом червчатым, а внутри тафтою червчетою в Казенном приказе». Чтобы определить, сколько для этого необходимо тканей, в Казенный приказ был прислан вместе со щитами «сабельного дела придельщик и оклейщик Прохор Иванов», он же дал «скаску», сколько материала ему потребуется¹⁰.

Существенно уточнить представление, что это были за щиты и кому они предназначались, позволяют расходные записи в столбцах Оружейного приказа, сделанные весной 1668 г. «Марта в 20 день по приказу боярина и оружничего Богдана Матвеевича Хитрово, полковника головы московских стрельцов Яковлева приказу Соловцова стрелец Иван Кузьмин зделал в Оружейную палату на два щита деревянные точеные круглые, две вооруды, мишени и с пряжи медные литые золоченые из своей меди и золота. А по уговору ему Ивану за медь и за золото и за дело денег всего три рубли. *Те щиты деланы к подносу великому государю к неделе Святые пасхи* (курсив мой. – С. О.)». На следующий день была сделана еще одна расходная запись: «Марта 21 день полковника и головы московских стрельцов Яковлева приказу Соловцова стрельцу, седельного дела мастеру Сеньке Афонасьеву от щита деревянного круглого

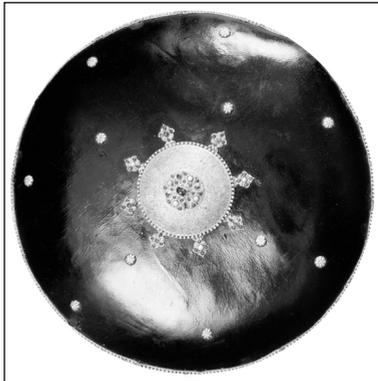

Рис. 4. Щит кожаный.
Иран, XVII в. Поднесен царю
Михаилу Федоровичу в 1644 г.
персидским послом агой
Асановым. Инв. № Оп-169

точеного за жилы и за клей и за дело по уговору шеснатцать алтын четыре деньги. Тот щит делан к подносу великому государю к неделе Святые Пасхи». Ту же сумму «за жилы и за клей и за дело по уговору» 7 апреля выплатили «Таганные слободы тяглецу седельного ряду торговому человеку Василию Лентьеву», работавшему с другим щитом¹¹. Ремесленникам оплатили уже выполненную работу, поскольку, как мы знаем, 12 марта деревянная основа щитов уже была готова. Поднесение царю Алексею Михайловичу на Пасху «всяких оружейных дел» состоялось 22 марта 1668 г.

В росписи «оружейным делам, которья на праздник недели Святые Пасхи были ему, великому государю, в подносе», среди вещей «первой статьи», т. е. предназначенных для самого царя Алексея Михаловича (вторая и третья статьи – вещи, предназначенные царевичам) записаны «два щита деревянные покрыты отласом красным, вооружены на тесьму, круг щитов галун серебряной з золотом. К ним 2 копыя железныя кумыцские, деланы в Ствольном приказе. Деревье черное, яблока деревянные золочены, руковедь покрыта тафтою алою. У копыя бахрома золото с серебром, деревье перевито галуном золото с серебром»¹². Обращает на себя внимание комплектность щитов с «кумыцкими» копиями, а также то, что предметы имели общие элементы дизайна: золоченые мишени на щитах и «яблоки» на копиях, а также украшавший копыя и щиты серебряный с золотом галун.

Внезапное пробуждение интереса к щитам и включение их в состав пасхального подноса, думается, не было случайностью. Во второй половине XVII столетия в церемониальной практике русского двора необыкновенно пышно расцветают разного рода красочные новации. Главным генератором идей в этой области был, по всей видимости, окольныйчий (позднее боярин) и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово (1615–1680), под началом которого с 1656 г. и вплоть до его кончины в 1680 г. находились Оружейная палата и ювелирные мастерские. Хорошо образованный для своего времени, градостроитель, дипломат, товарищ царя Алексея Михайловича по военным походам, блестящий придворный и любитель искусств Б.М. Хитрово обладал широким кругозором и, что особенно важно, способностью увлечь государя необычными и яркими начинаниями. В частности, оружничий Хитрово стремился насытить новой атрибутикой сценарии древних дворцовых церемоний, придав им эффектные и порой весьма неожиданные формы. При

этом элементы, показавшиеся интересными и привлекательными, без колебаний заимствовались как на Западе, так и на Востоке¹³.

Возможно, внимание оружничего привлекло вооружение и экипировка всадников из посольской свиты представителей восточных владетелей, а также разного рода депутатий восточных народов, во множестве приезжавших в Москву в XVII столетии. Посланцы кумыкских и черкесских князей, тарковских шамхалов, ногайских мирз, калмыцких тайшей и многих других регулярно прибывали в русскую столицу. Вполне вероятно, что вид всадников с копьями и щитами показался оружничему интересным и перспективным в плане использования в парадно-церемониальных мероприятиях. Впрочем, окончательным и определяющим фактором, решавшим судьбу проекта, являлась реакция самого государя.

Складывается впечатление, что изготовление деревянных щитов и «кумыцких» копий и поднесение их царю Алексею Михайловичу на Пасху 1668 г. носило характер «пробного показа». Обращает на себя внимание невысокая стоимость затеи. Каждый из щитов (с учетом тканей и работы) обошелся казне немногим дороже пяти рублей. Кроме того, по документам явствует, что в изготовлении щитов и копий штатные специалисты Оружейной палаты были задействованы минимально. Практически все работы были выполнены мастерами со стороны или подчиненного оружничему приказа Ствольного дела. На долю Оружейной палаты сабельного придельщика Прохора Иванова оставался лишь окончательный монтаж щитов: оклейка тканью, подбой испода, крепление мишеней и вооруды.

В Росписи мастеров Оружейной палаты 1667 г. Прохор Иванов фигурирует с высшим для сабельных придельщиков окладом: 10 рублей годового денежного жалования, хлебным окладом в 12 четей ржи и овса и поденным денежным кормом 5 рублей, 15 алтын, 5 денег (по три деньги на день). Никаких подносных дел на Пасху 1667 г. за мастером записано не было, а на 1668 г. велено было «быть у верховых дел»¹⁴.

Дальнейшее развитие событий указывает на то, что начинание с щитами и копьями было царем Алексеем Михайловичем воспринято благосклонно. Среди расходных статей в Оружейного приказа присутствует запись от 13 мая 1669 г. об уплате трех рублей двух алтын торговому человеку Кружевного и завязочного ряда «за 20 за полшеста (двадцать пять с половиной. – С. О.) аршина тесем

красного шолку и цветной тесьмы к вооруде. Взяты к двум щитам железным, да к двум писаным саадачным лубьям, да к наводным зеркалом Ивашкова дела Килтыкова»¹⁵. Вероятней всего, речь шла о приведении «в рабочее состояние» железных щитов из числа хранившихся в Оружейной палате.

По указу царя Алексея Михайловича 1 июля 1669 г. боярин и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово приказал «зделать вновь в Оружейной палате: 100 саадаков писанных, 100 щитов железных, 100 копий кумыцких на тростяных длинных деревьях против обрасца». Для изготовления щитов было велено купить 62 штуки досок железных¹⁶. Как мы видим, после успешной апробации и высочайшего одобрения решено было приступить к созданию обширной группы парадно-церемониального оружия и экипировки. Вполне вероятно, что «два писаных лубья саадачных» и два железных щита, на вооруду которых в мае была куплена тесьма, должны были послужить образцами. Как мы уже знаем, и парой образцовых «кумыцких копий» из подносных дел 1668 г. Оружейная палата тоже располагала.

13 октября 1669 г. было велено докупить «железа дощатого по щету 38 досок... по указу великого государя в том железе велено зделать в Оружейную палату Ствольного приказу кузнецам Кирюшке Яковлеву [с товарищами] тритцать восемь щитов»¹⁷. Таким образом, приобретено было железо на все 100 щитов из расчета по одной доске на щит. Как мы видим, по крайней мере часть работ вновь была возложена на мастеров Ствольного приказа.

Чрезвычайно интересна расходная запись от 3 февраля 1670 г.: «Замочному мастеру Григорью Ермолину на гривенку железа свицкого четыре деньги да на уголье две деньги. В том железе велено ему зделать к щиту железному лощатому скобу»¹⁸.

Замочный мастер Григорий Ермолин получал небольшой денежный оклад 5 рублей в год, хлебного жалования 16 четей ржи и овса, поденных кормовых денег в год 5 рублей 15 алтын, 5 денег (по 3 деньги на день). Про его работу в 1667 г. было написано: «Делает по наряду приказную и верховую поделку. Он же в поднос золотил две пищали грузинския, два копя, дватцать четыре копеец стрельных»¹⁹.

Закономерен вопрос, что за скобу велено было сделать мастеру и почему только к одному железному щиту? В составе «вооруды» деревянных и металлических щитов московской работы (см. ниже)

железные скобы отсутствовали. Весьма вероятно, что железный «ложчатый» щит, как и два упомянутых выше железных образцов, был одним из старых щитов, хранившихся в Оружейной палате.

Два металлических щита из оружейной казны боярина князя Василия Васильевича Голицына, конфискованной в 1690 г., находились в Оружейной палате до второй половины XIX в. В 1873 г. один из них был передан в Санкт-Петербургский Артиллерийский музей²⁰. Другой, с небесспорной атрибуцией «Восток, Турция (?) XVII в.» хранится в собрании доспеха Музеев Московского Кремля²¹. Круглый стальной щит с выпуклой центральной частью и остатками восточного орнамента и золотой насечки на поле сзади по центру имеет одну большую железную пустотелую ручку – скобу для удержания (рис. 5, 6). Возможно, и ложчатый железный щит, который чинил Григорий Ермолин, принадлежал к тому же типу. Мы вправе осторожно предположить, что по крайней мере часть из железных щитов, хранившихся в оружейной казне в Набережных хоромах в 1647 г., имела восточное происхождение.

В начале 1670 г.ковка щитов была либо завершена, либо близка к завершению. 22 февраля последовало распоряжение: «Зделать в Оружейную палату на сто щитов железных вооруду медную

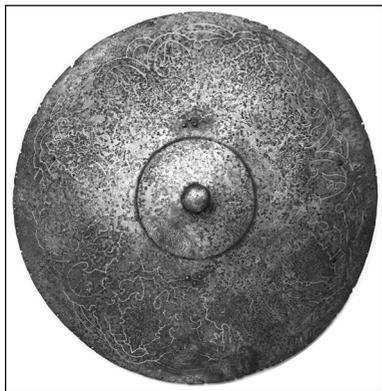

Рис. 5. Щит железный. Восток, XVII в. Поступил из имущества кн. В.В. Голицына в 1690 г. (общий вид). Инв. № Ор-1309

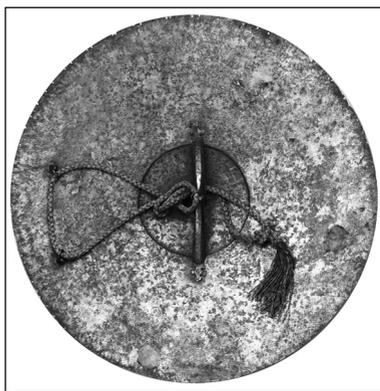

Рис. 6. Щит железный. Восток, XVII в. Поступил из имущества кн. В.В. Голицына 1690 г. (оборотная сторона)

розными обрасцы литую по пятидесят мест на щит... И по тому ево великого государя указу на те щиты вооруду медную литую то число велено делать из своей меди Яковлева приказу Соловцова стрелцу Ивашку Кузьмину для того что он наперед сего в Оружейной палате дельвал на куюки гвозди медные литые. А по ево Ивашкове скаске пойдет у него к тому делу на сто щитов на вооруду своей меди зеленые полтретья пуда, по гривенке на щит. А по уговору от той вооруды за медь, и за дело, и за уголья по пяти алтын по четыре деньги от вооруды от щита. Итого семнатцать рублев»²².

Выявленные сведения об использовании щитов относятся сугубо к области посольского церемониала, а именно к организации парадных мероприятий для встречи иноземных посольств при въезде в русскую столицу. Из документов разных лет о чинке железных щитов и подготовке их к выдаче служилым людям для участия в парадно-церемониальных мероприятиях мы узнаем, что щиты имели тканевые стеганные подкладки, подушки и тесемчатые (или из шнура) петли для удержания²³. В исторической части описания железных щитов в Описи Московской Оружейной палаты конца XIX в. приводятся многочисленные извлечения из источников о чинке железных щитов, в преддверье посольских церемоний²⁴. Наиболее ранние известия такого рода датированы ноябрем 1671 г. Работы о чистке и «вооружении» железных щитов мастерами Оружейной палаты и Ствольного приказа сопровождаются пояснением: «А те щиты чистили и в лице поставили и вооружали к выезду польских послов»²⁵.

Видимо, щиты сильно страдали от ржавчины, поскольку уже в 1675 г. «к выезду персицких послов» восемьдесят щитов было велено полудить²⁶. 29 января 1675 г. на встрече кизылбашских (персидских) послов, среди конных сотен, принимавших участие в церемонии, написаны «сокольничьи сотни в пансырех, и с щиты, и в крыльях, и с копы с змеиными»²⁷.

Русские приставы, сопровождавшие польское посольство кн. Михаила Чаторыйского и Казимира Сапеги, прибывшее в 1678 г. в Москву для подтверждения Андрусовского перемирия, писали в своем отчете: «А как великие послы пришли на Красную площадь и конюшенного чину сотни, у которых были крылья и в руках копыя и щиты, хвалили, и тому строю зело удивлялись»²⁸.

Из новых элементов следует отметить появление на щитах деталей креплений, украшенных эмалью. В августе 1680 г. было велено

купить щитам железным «шездесят мест вооруды медной с финифтью»²⁹. В декабре 1683 г. была составлена приказная выписка об оружейном наряде, отпущенном в 1680 г. из Оружейной палаты для встречи польских послов «конюшенного чину сотенным головам и поручиком и прапорщиком и сотенным людям», всего на семь сотен. Речь шла о встрече посольства «велюньского каштеляна» Константина Томицкого, побывавшего в России в августе–сентябре 1680 г. В своих реляциях К. Томинский отмечал необычайно пышную встречу, в частности, многочисленные московские конные хоругви, среди которых особо выделил эффектно вооруженных и экипированных «царских конюхов»³⁰.

Согласно выписке, начальным людям – поручикам велено было выдать «5 человеком – 5 щитов, в том числе 3 булатных, 2 кизылбашских черных». Рядовым «конюшенного чина» во вторую сотню из Оружейной палаты было выдано: «60 щитов железных, подкладки кумачные и 60 копей з змеями и с лопастьми... 192 (1683) декабря в 17 день боярин и оружничей Петр Васильевич Большой Шереметев с товарищи сей выписки слушав, приказал для выезду и встречи свейских послов оружейную всякую бронь прибрать и пересмотреть. И что доведца вычинить, а чего налицо нет зделать вновь, чтоб все было сполна против прошлого 188 (1680) году»³¹.

Следует отметить, что согласно документу и в 1680, и в 1683 гг. «щитоносные» царские конюхи были вооружены не «кумыцкими», а «змеевыми» копьями. Насколько можно представить по документам, «копья з змеями» имели довольно сложную конструкцию. Головы змей со стеклянными глазами предположительно делали из бумаги (папье-маше?)³². В 1675 г. в Оружейную палату был приобретен пуд бумаги, «а по указу великого государя та бумага куплена к змеиному делу на копья... а стекла к змеям на глаза»³³. Хвосты змей были выполнены из ткани и имели каркас из черемуховых прутьев. Крылья и языки змеев изготавливались из жести (белого железа). Друг к другу и к древкам копий элементы конструкции (вероятно, ограниченно подвижные) крепились ремнями. Снаружи змеи оклеивались «медной шумихой» – фольгой. Древки копий украшались цветной бахромой и цветными тканевыми «лопастьми»³⁴.

Документы делопроизводства Оружейного приказа свидетельствуют о том, что планы администрации ведомства не ограничивались созданием лишь одной группы из ста парадно-церемониальных

железных щитов. Вероятно, на некоем этапе возникло намерение продолжить эксперимент с деревянными, обтянутыми тканью щитами. Для того чтобы представить финансовую сторону вопроса, была составлена сметная выписка с описанием стоимости всех материалов и работ по созданию одного щита. На документе не представлена дата. При составлении архивной описи он отнесен к столбцам августа 1672 г. Однако есть основания полагать, что выписка была сделана годом раньше – летом 1671 г.

Как следует из выписки, щит конструктивно и по внешнему виду должен быть очень близок к щитам 1668 г. Деревянная основа оклеена атласом червчатым, изнутри подбит дорогами красными, вооруды медной 36 мест, тесьмы шелковой 4 аршина. Наиболее существенным отличием было наличие на щите 1671 г. железного навершия, наведенного волоченным серебром. Всего щит «ис государева леса» обошелся казне в 4 рубля 2 алтына³⁵.

25 сентября 1671 г. из Оружейного приказа были выданы деньги «наводного дела мастером Ивашку Калтыкееву да Моске Бобылеву на дватцать на три щита деревянных точеных на черепы железные под навод, по два алтына на череп. Итого рубль двенатцать алтын четыре деньги. А по указу великого государя те черепы велено им навесь серебром к дватцати к трем щитам деревянным по наряду в Оружейной палате». На обороте столбца присутствует расписка о получении денег³⁶.

Несмотря на наличие распоряжения о начале работ над серийной партией деревянных щитов, есть серьезные основания сомневаться в том, что этот проект был реализован. Никаких документальных свидетельств о том, что работы по созданию значительной группы деревянных щитов действительно начались, в делопроизводстве Оружейной палаты 1671–1673 гг. выявить не удалось.

Следующий документ о работах над деревянными щитами относится к 1674 г. Согласно расходной записи «генваря в 12 день Приказу Большого дворца деревянных дел токарю Антону Иванову за дерево и за клей по уговору восемь алтын. По указу великого государя зделал он два щита деревянных в Оружейную палату на образец»³⁷. В отличие от документа о выдаче денег на материалы И. Килтыкееву и М. Бобылеву, здесь речь идет об оплате фактически выполненной работы.

Выражение «на образец» может свидетельствовать о том, что у руководства Оружейной палаты вновь возникли планы создания

масштабной группы деревянных щитов. И вновь приходится столкнуться с полным отсутствием источников, свидетельствующих, что к реализации этих планов действительно приступили. Никаких упоминаний об использовании группы деревянных щитов в парадно-церемониальной практике русского двора в XVII в. также не выявлено.

В росписи «оружейных дел» пасхального подноса царю Алексею Михайловичу 1674 г. деревянных щитов нет, хотя присутствуют «два копыя красного железа позолочены. Делали Борис Крыгор да Кузьма Туленин». Вместо щитов рядом с копьями написаны два других весьма необычных для России XVII в. предмета: «два меча волнистых с крыжами, ножи покрыты объерью золотною. Делал Борис Крыгор»³⁸.

В Переписной книге государевой оружейной казны 1687 г. фигурируют четыре липовых, обтянутых красной тканью щита, два из которых с «медными репьями» четко опознаются как деревянные щиты 1668 г. Два других, также обтянутых красной тканью, имели железные навершия, «на них по орлу двоеглавому... наведены серебром»³⁹. Вероятно, по неким причинам от создания многочисленной группы деревянных щитов решено было отказаться, ограничившись доделкой двух «образцовых» 1674 г. Причем, от поднесения этих щитов государю на Пасху также решено было воздержаться.

В Переписной книге государевой оружейной казны 1687 г. записаны сто щитов железных с «гвоздями медными репейчатыми и гладкими городчатыми», оцененные по четыре рубля каждый, большинство из которых с высокой долей вероятности составляли щиты, изготовленные в 1669–1670 гг.⁴⁰ В конце XIX столетия в Оружейной палате хранилось 98 близких по типу русских железных щитов с медной воорудой, датированных XVI в. Последнее обстоятельство нельзя не признать парадоксальным, поскольку комментарий к описаниям предметов содержит ссылки и извлечения из текста архивных документов, прямо указывающих на создание этих щитов во второй половине XVII столетия⁴¹.

В настоящее время в Музеях Московского Кремля хранятся 95 щитов из этого числа⁴². Три щита в 1929–1931 гг. были выданы в музей Революции, музей Переславля-Залесского и Владимирский музей⁴³. Железные щиты различаются по диаметру в диапазоне 45–55 см. Можно выделить два типа оформления этих щитов: гладким

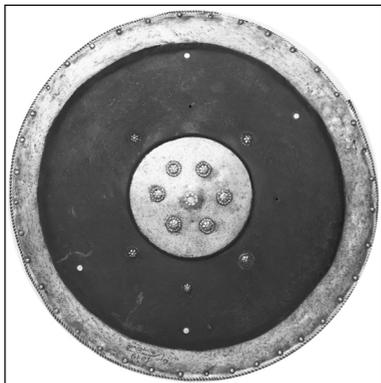

Рис. 7. Щит железный. Россия, Москва, Ствольный приказ, Оружейная палата (?), 1669–1670 гг. Инв. № Ор-842

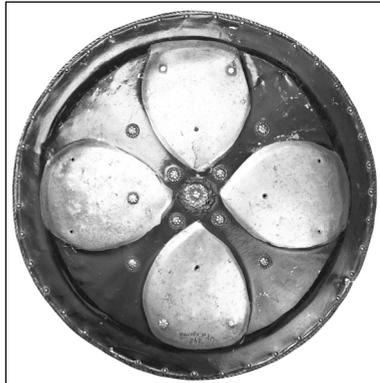

Рис. 8. Щит железный. Россия, Москва, Ствольный приказ, Оружейная палата (?), 1669–1670 гг. Инв. № Ор- 1319

и дольчатым (ложчатым) полем. Определенные различия усматриваются в формах и размерах фигурных медных деталей. При всем этом очевидна серийность данных изделий и упрощенный подход к их отделке (рис. 7, 8).

Щиты пострадали во время большого московского пожара 1737 г., лишившись всех тканевых элементов: подкладок, подушек, тесем и шнуров, ничего не осталось и от эмали. Можно понять, что на момент пожара по крайней мере часть железных щитов хранилась сложенной в стопы. На оборотных сторонах некоторых из них остались следы от оплавившейся медной «вооруды» с лицевой стороны щита, находившегося снизу.

Очевидно, что место хранения деревянных щитов в 1737 г. было иным, нежели железных, поскольку от огня они не погибли. Четыре деревянных щита русской работы прослеживаются по описям Оружейной палаты вплоть до 1808 г., однако в 1835 г. значится лишь один щит с железным с серебряной насечкой на вершнем. При разборе вещей в 1861 г. был отыскан украшенный насечкой «железный плащ» от второго деревянного щита⁴⁴. Таково положение дел и на сегодняшний день.

Рассматривая единственный сохранившийся деревянный щит,⁴⁵ нельзя не прийти к выводу, что он изначально имел крайне ненадежную и слабую конструкцию. Заготовка представляла собой две

липовые доски большой ширины, склеенные между собой двумя слоями. Из этой дуплексной заготовки была выточена линзовидная (выпукло-вогнутая) основа щита диаметром около 65 см. Высота щита от края поля до верхней точки в центре составляет 91 мм. Причем, средняя толщина обработанной деревянной поверхности не превышала 1 см.⁴⁶ Не добавляли прочности щиту многочисленные отверстия в дереве от «городчатых» медных гвоздей и крепежных центральной детали – «умбона». Учитывая эти особенности, нужно признать большой удачей, что хотя бы один из деревянных щитов сохранился до нашего времени. Возможно, именно слабостью конструкции и непригодностью липовых точеных щитов к сколько-нибудь активному использованию и объясняется отказ от создания масштабной церемониальной группы.

Деревянный щит подвергался реставрации в XIX в. На внешней стороне деревянной основы сделана весьма интересная по содержанию надпись чернилами: «Для Оружейной палаты / переделывал тафту и починивал / Егор Шухов 1838 / ноября 22-го / тот щит царя Михаила Федоровича [и] / Алексея Михайловича. / Пусть увидят правнуки, что есть долг, / трудился из одной любви к царю и Отечеству». Под тканью утраты дерева в некоторых местах были закрыты картоном. Вероятно, именно после реставрации Егора Шухова академиком живописи Ф.Г. Солнцевым были сделаны рисунки акварелью, впоследствии опубликованные в «Древностях Российского государства»⁴⁷. Подлинная акварель Ф.Г. Солнцева «Деревянный щит, обтянутый камкою» хранится в собрании графики Музеев Московского Кремля⁴⁸ (рис. 9).

В настоящее время состояние сохранности предмета уместно охарактеризовать как крайне тяжелое. Ткань на лицевой стороне утрачена практически полностью, подкладка и металлическое навершие отделены от деревянной основы. Составная основа щита расслаивается, поле рассечено радиальными трещинами и разломами, есть существенные утраты дерева по краю (рис. 10). В 2013 г. щит был передан на реставрацию. Спасением последнего в своем роде памятника занимается реставратор Музеев Московского Кремля Антон Николаевич Гусев. Металлическое навершие – «умбон» от второго щита 1671 г. (диаметр – 20,5 см) также хранится в собрании доспеха Музеев Московского Кремля⁴⁹.

Центральные пластины щитов в документе 1671 г. названы «черепами», вероятно, по аналогии с черепами мисюрок. На мой взгляд,

**Рис. 9. Ф.Г. Солдцев. Акварель
«Щит деревянный, обтянутый камкой».
Россия, Москва, первая половина XIX в.
Инв. № Гр-3033**

четвероугольных булатных з золотым же наводом, 100 зеркал обычных кружчатых»⁵².

Изображения русского герба с обрамлением, на круглых пластинах в технике насечки серебром выполнили Иван Килтыкеев и Моисей Бобылев. Относительно их авторства нет никаких сомнений. По стилю и технике исполнения изображения соответствуют идентифицированным (точно или с высокой долей вероятности) работам вышеуказанных мастеров, в частности на пластинах зеркальных доспехов⁵³.

Наводчики (наводного дела) Иван Килтыкеев (Килтыков, Калтыкеев, Колтыкеев) и Моисей Бобылев (Буболев) принадлежали

справедливо наблюдение М.Н. Ларченко, что «умбоны» больше походят на зеркальные доски⁵⁰. Навершие деревянных щитов более всего напоминают пластины персидских «кружчатых» зеркал типа *char aina* или *shahar-a'ina*, что означает «четыре зеркала». Доспех подобного рода был широко распространен в Иране и Индии XVI–XVIII вв.⁵¹ и пользовался успехом при русском дворе. В 1662 г. направлявшемуся в Персию русскому посольству было наказано в числе прочих вещей привезти «5 зеркал самых добрых в кольцах с наводом золотым, 50 зеркал кружчатых и

к так называемым «польским мастерам» – выходцам из городов, отвоеванных Россией у Польско-Литовского государства. Иван Килтыкеев трудился в Оружейной палате с 1657 г., а Моисей Бобылев перебрался в Москву в 1660 г. Известно, что мастер выехал из Быхова⁵⁴. Иван и Моисей прослужили в Оружейной палате более двадцати лет, украшая оружие и доспех золочением и насечкой⁵⁵. В 1677 г. оба получали по 9 рублей годового оклада и поденного денежного корма жалование по 3 деньги на день (сведений о хлебном жаловании в документе нет)⁵⁶.

Насеченные серебром изображения двуглавых орлов на двух пластинах очень близки, хотя и не идентичны. Значительно более отличаются друг от друга элементы обрамления гербов (рис. 11, 12).

В присутствии на щитах двуглавых орлов можно усмотреть как следование западноевропейской традиции использовать щит как носитель геральдических изображений, так и вполне укоренившейся на отечественной почве практики украшать изображением государственного герба оружие, доспех и форменное платье служилых людей, участвовавших в придворных церемониях.

В описи Оружейной палаты конца XIX в. наверху – «череп» написано булатным⁵⁷, эта характеристика перенесена и в современные инвентарные книги Музеев Московского Кремля. В выявленных документах 1671 г. о булатном черепе ничего не сказано. К сожалению, визуально установить, булатные пластины или нет, в настоящее время не представляется возможным. Поверхность пластин неоднократно подвергалась абразивной чистке в XIX–XX вв., загрязнена и поржавела.

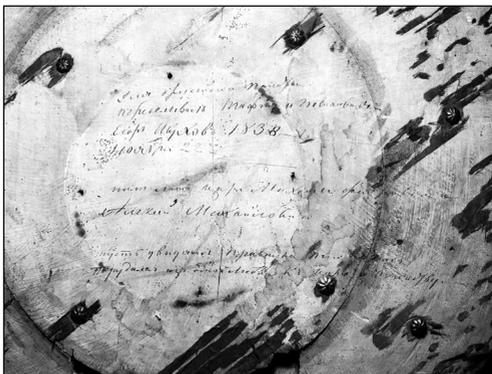

Рис. 10. Щит деревянный. Россия, Москва, Оружейная палата, 1674 г. (?) (фрагмент). Инв. № Ор-4769

Рис. 11. Навершие – «умбон» деревянного щита. Россия, Москва, Оружейная палата, 1674 г. (?) Мастера И. Килтыкеев, М. Бобылев. Инв. № Ор-4769

Рис. 12. Навершие – «умбон» деревянного щита. Россия, Москва, Оружейная палата, 1674 г. (?) Мастера И. Килтыкеев, М. Бобылев. Инв. № Ор-4622

Происхождение прототипа – образца для русских железных щитов второй половины XVII в. – довольно туманно. Рабочую версию на данный момент можно озвучить лишь как «предположительно Восток», не рискуя указать на какой-либо регион или конкретный тип щита.

Что же касается деревянных щитов, то, основываясь на внешнем виде сохранившегося щита 1671 г. и подробных сведениях о щитах 1668 г., можно выдвинуть предположение, что все они воспроизводили внешний вид восточных щитов типа «калкан» (в отечественной терминологии «тростниковые» или «витые» щиты). В наиболее распространенном варианте – это круглые щиты, часто с полем красного цвета, относительно крупной центральной металлической

Рис. 13. Щит калкан. Турция, XVII в. Подарен царю Алексею Михайловичу послами имеретинского царя Александра в 1659 г. Инв. № Ор-174

накладной деталью – «умбоном» и несколькими более мелкими или гвоздями с фигурными шляпками для крепления «вооруды» (рис. 13).

Русские щиты Оружейной палаты – памятники удивительных процессов, протекавших в придворной среде второй половины XVII столетия. В парадно-церемониальной практике русского двора активно происходило смешение разнородных культурных тенденций, новаций и старины. Исполнение технических и художественных задач было возложено на Оружейную палату, придворные ювелирные мастерские – Золотую и Серебряную палаты, с привлечением мастеров Ствольного и Казенного приказов, а иногда, как в случае со щитами, и московских ремесленников. Успешной деятельности дворцовых мастерских и казнохранилищ в значительной степени обязан своим существованием образ русского двора. Образ блистательный и эклектичный, сохранявший в своей основе прочную связь с древними традициями и без колебаний бравший все самое лучшее, яркое и интересное, что могли предложить Запад и Восток.

¹ Савваитов П. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1865. С. 33, 34.

² Государева Оружейная палата. СПб., 2002. С.128–131, 328–329.

³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5483. Роспись боярина Никиты Ивановича Романова ратной сбруи, принятой в Оружейную палату; Д. 8192. Роспись ратной сбруе, которая взята в казну после боярина Василья Ивановича Стрешнева; Д. 11849. Опись вещам, оставшимся после боярина Ильи Даниловича Милославского; Опись имущества боярина Артемона Сергеевича Матвеева // ЧОИДР. М., 1900. Кн. 2. Смесь. С. 13–16.

⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок, что в Оружейной палате, в Большой казне, и в прочих палатах... 1687 г. Л. 186; Опись московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2. М., 1884. С. 283–285.

⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3593. Роспись государевой оружейной казны. Л. 16.

⁶ Там же. Л. 44.

⁷ Там же. Д. 5692. Роспись походной казны Алексея Михайловича, которая была в Смоленске (не полная); Д. 5835. Роспись Оружейной казны, отпущенной из Оружейного приказа в поход; Д. 8156. Роспись Оружейной палаты. (не полная).

⁸ Там же. Д. 5483. Роспись боярина. Никиты Ивановича Романова ратной сбруи...

⁹ Древности Российского государства. Дополнение к III отделению. Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Приложение. М., 1865. № 56. С. 112–120.

¹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11392. Выписки, по коим отпущено было из Казенного приказу в Оружейную палату... Л. 57–59.

- ¹¹ Там же. Д. 11295. О выдаче денег на всякие покупки... Л. 64–65.
- ¹² Там же. Д. 11708. Роспись государевым оружейным делам, которые на праздники Недели Святыя Пасхи были ему великому государю в подносе. Л. 4–5.
- ¹³ Орленко С.П. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских до и после Смутного времени // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей Международной научно-практической конференции. СПб., 2012. Ч. II. С. 447–451; он же. Мечи и протазаны. К вопросу о церемониальных новациях русского двора середины XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. XXII. С. 64–70. В печати.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11823. Роспись Оружейной палаты разным мастерским делам, которые сделаны после подносу и кто имена из мастерских людей по наряду каких дела делали... Л. 23.
- ¹⁵ Там же. Д. 12165. О даче из Оружейной палаты разных дел мастерским людям денег... Л. 104.
- ¹⁶ Там же. Л. 116–118.
- ¹⁷ Там же. Д. 12395. О покупке разных товаров в Оружейную палату... Л. 5.
- ¹⁸ Там же. Л. 158.
- ¹⁹ Там же. Д. 11823. Роспись Оружейной палаты разным мастерским делам... Л. 17.
- ²⁰ Опись московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3. Кн. 2. С. 288–289.
- ²¹ Инв. № Ор-1309.
- ²² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 12395. О покупке разных товаров в Оружейную палату... Л. 159–160.
- ²³ Там же. Д. 12629. О сделании к 10 щитам железным подушек. Л. 1; Д. 15369. О покупке разных материалов... Л. 2.
- ²⁴ Опись московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2. С. 304–305.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 13582. Челобитная оружейной палаты сабельных придельщиков... Л. 3; Д. 13589. Записка о даче денег Ствольного приказа... Л. 1.
- ²⁶ Там же. Д. 15394. О полуде 80-ти щитов железных к выезду послов персических. Л. 1.
- ²⁷ Дворцовые разряды. М., 1852. Ч. 3. С. 1192.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 187. 1677–1678 гг. Приезд в Москву и отпуск ... полномочных польских послов Михаила Чарторыжского... Л. 454.
- ²⁹ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18511. О даче денег разным торговым людям... Л. 277–279.
- ³⁰ Кочегаров К.А. Свидетельства польских дипломатов о России в 80-е гг. XVII в.: посольский обычай, внутренняя политика, бытовые особенности // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века. Сборник материалов международной конференции 2006 г. В печати.
- ³¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19627. Записка об оружейном наряде, отпущенном из Оружейной палаты для встречи польских послов 6 л. (Документ ошибочно датирован 188 г.) Л. 2, 3, 6.
- ³² В документе 1680 г. про змеиные головы написано «клеишны» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19411) Ранее «к змеиному делу» был куплен пуд бумаги хлопчатой (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15369).
- ³³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15369. О покупке разных материалов... к змеиному делу... Л. 1–2.
- ³⁴ Там же. Д. 21933. О покупке разных товаров для Оружейной брони, которые

велено делать для встречи Свейских послов. Л. 9, 24, 32, 35.

³⁵ Там же. Д. 13856. Выписка о щите деревянном со всею принадлежностью. Л. 1–2.

³⁶ Там же. Д. 13548. Записка наводного дела мастерам Ивану Калтыкееву, Моисею Бобылеву, в коей велено на черепы железные... Л. 1–1 об.

³⁷ Там же. Д. 49326. О сделании в Оружейной палате двух щитов деревянных на образец. Л. 1.

³⁸ О поднесении для Святой Пасхи царю Алексею Михайловичу разных вещей... Л. 8.

³⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок, что в Оружейной палате, в Большой казне, и в прочих палатах... 1687 г. Л. 195.

⁴⁰ Там же. Л. 195 об.

⁴¹ Опись московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3. Кн. 2. С. 288–305.

О составителе этого тома описи Оружейной палаты см.: Смирнова Е.И. К вопросу об авторстве книг «Холодное оружие», «Броня» и «Огнестрельное оружие». Описи Московской оружейной палаты // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 1. М., 1973.

⁴² № 5328–5422 охр.

⁴³ ОРПГФ Музеев Кремля. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6; Опись московской Оружейной палаты М., 1884. Ч. 3. Кн. 2. Л. 314 об., 318.

⁴⁴ Опись московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3. Кн. 2. С. 271.

⁴⁵ Инв. № Ор-4769.

⁴⁶ Автор выражает глубокую благодарность реставратору Музеев Московского Кремля Антону Николаевичу Гусеву, производившему точные измерения.

⁴⁷ Древности Российского государства. Отд. III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. М., 1853.

⁴⁸ Инв. № Гр-3033.

⁴⁹ Инв. № Ор-4622.

⁵⁰ Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 4. М., 1984. С. 191.

⁵¹ Stone G. S. A glossary of the construction, decoration and use of arms and armor in all countries and in all times. New York, 1999. P. 174–175.

⁵² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8075. О посылке из Посольского приказа к послам Федору Яковлевичу Милославскому с тов. государева указа о покупке надобных к оружейному делу в Оружейную палату товаров по росписи. Л. 6.

⁵³ Орленко С.П. Произведения белорусских мастеров «наводного дела» в Оружейной палате второй половины XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 24. В печати.

⁵⁴ Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров... С. 191.

⁵⁵ Орленко С.П. Произведения белорусских мастеров «наводного дела»...

⁵⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 958. Книга прихода-расходная денежной казны Оружейной палаты 1677–1678 гг. Л. 110–111.

⁵⁷ Опись Московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3. Кн. 2. С. 269.